

АЛЕКСАНДР МИРДОНОВ/КОММЕРСАНТЪ

АЛЕКСАНДР МИРДОНОВ/КОММЕРСАНТЪ

АЛЕКСАНДР МИРДОНОВ/КОММЕРСАНТЪ

АЛЕКСАНДР МИРДОНОВ/КОММЕРСАНТЪ

Цепная редакция «САМОЕ ВАЖНОЕ» ЕВГЕНИЯ КАМЕНЬКОВИЧА НА «ЗОЛОТОЙ МАСКЕ» рекомендует ДМИТРИЙ РЕНАНСКИЙ

В ПЕТЕРБУРГЕ люди предпочитают театры в прямой зависимости от вкусов и опыта. Консерватор пойдет в МДТ, прогрессист в Александринку, авангардист — допустим, в «Особняк». А в Москве все трое с удовольствием отправятся в Мастерскую Петра Фоменко. Ни один из столичных театров не обожают так решительно и в таком массовом порядке, как назло, в обоих зданиях театра залы настолько невелики, что не способны вместить и доли желающих. У Фоменко всегда аншлаги, чтобы посмотреть лучшие спектакли, записываются в очереди, а достоявшись, слушают, как в камерном пространстве ведутся негромкие разговоры о самом главном.

На золотомасочную программу едут два спектакля «Фоменок», и начинается эта минигастроль не с самого Петра Наумовича, а с Евгения Каменьковича. Впрочем, в «Самом важном» (2004) налицо все, за что любят Мастерскую: ажурность, ирония, естественность, эффектность, полная театральность.

До «Самого важного» бесстрашный и изобретательный Каменькович поставил роман Саши Соколова, а после — джойсовского «Улисса». Но даже в такой компании роман Михаила Шишкина «Венерин волос» не кажется легким режиссерским материалом. У Шишкина одна сюжетная линия прерывается другой, наступает на пятки третьей и слипается с четвертой. Соревнования писателя с самим собой в метафорике должны, казалось бы, провоцировать постановочную фантазию, но они скорее способны блокировать ее своей самодостаточностью. Хотя и она может заводить: режиссер «Самого важного» очевидно соблазнился шишкинской упорностью письмом, его наслаждением от изощренности текста и его формалистического переживания. Всего этого — только, конечно, театрального — в достатке и в спектакле, природу которого режиссер точно определил подзаголовком «Этюды и импровизации».

Сквозной сюжет о русском переводчике Толмаче, работающем в Швейцарии и занимающемся беженцами из Восточной Европы, нужен лишь как катализатор, как пружина, от которой можно оттолкнуться и закрутиться в игре. Не случайно на главную роль приглашен не актер, а режиссер: он должен выпадать из ансамбля.

Главные свойства спектакля — легкость, стремительность, изящество — выражаются в его главном образе: персонажи скользят по гладким подмосткам в тапочках из музейного войлока. Так вот скользят актеры, у каждого из которых чуть не по десятку ролей. Молниеносно меняя их, звезды «Мастерской» сестры Кутеповы и Ру-стэм Юскаев устраивают лицедейский мастер-класс. У роскошной Мадлен Джабраиловой не менее трудная задача: за каких-то три часа сыграть все стадии жизни своей героини — от маленькой девочки Изабеллы до невымышенной певицы Юрьевой, в которую девочка превращается и

вымышленный дневник которой пишет главный герой романа.

Шишкин мешает краски реальности настолько лихо, что те сливаются в белый фон: Тристан и Изольда встречаются с жертвами чеченской кампании, сына главного героя и вовсе почему-то зовут Навуходнозавром. Вместе с художником Владимиром Максимовым Евгений Каменькович, кажется, идет за писателем, создавая пространство обобщенного музея — то это Рим, то вдруг Останкино. На самом деле это просто изящное паспарту, и в него оправлен театральный сверхсюжет. Изощренность спектакля Каменьковича вырастает из простейших игровых основ, которые в театре «всегда были»; поэтому действие так ненавязчиво перемещается из античности в начало XX века, далее везде, и из Италии через Швейцарию и Древнюю Грецию в Россию. Что может быть важнее.

Малый драматический театр — Театр Европы, 29 и 30 сентября, 19.00